

ИДЕОЛОГИИ И УМОНАСТРОЕНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Евгений КОЖОКИН
РГГУ, МГИМО МИД России

Аннотация: Борьба против России, развязанная Западом, ведется по всему миру. Осуществляются также попытки аннигилировать отношения сотрудничества, сложившиеся у Российской Федерации со странами евроазиатского региона. В этой связи актуальным становится изучение идеологических установок и умонастроений в странах Центральной Азии, в частности в Таджикистане, который с Россией связывают особенно тесные узы. В то же время наблюдается повышенная уязвимость Таджикистана для внешнего воздействия. Особую опасность для республики представляют структуры ИГИЛ*, которые фактически ведут идеологическую и психологическую войну против светского государства. Из всех государств Центральной Азии в Таджикистане самый высокий процент молодых людей оказывается восприимчивым к радикальным идеям. В центре внимания автора статьи – неоднородность умонастроений граждан. Выделяются четыре типа мировоззренческих установок. Анализируется идущая неустанно борьба за умы граждан этой республики. Понимание специфики настроений населения Таджикистана является не только научным, но и политическим императивом. Это связано с тем, что национальным интересам России отвечает стабильность и процветание этой центральноазиатской страны.

Ключевые слова: идеология, Таджикистан, таджики, ислам, ментальность, гражданская война

* – «Исламское государство», «Хизб ут-Тахрир», «Хайят Тахрир аль-Шам», «Аль-Каида», «Братья-мусульмане», Партия исламского возрождения Таджикистана признаны террористическими и запрещены в Российской Федерации.

Евгений Михайлович Кожокин – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет; профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, главный научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-1419-6695. E-mail: kozhokin@yandex.ru

125047, Москва, Миусская площадь, д. 6; 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 16.07.2024

Принята к публикации: 25.04.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Интеллектуальные конструкты идеологического характера в XXI веке все более отличаются от их аналогов XX века. Эти изменения связаны как с технологическим прогрессом, так и с достижениями в области изучения социальной психологии и, соответственно, разработкой новых технологий воздействия на массовое и элитарное сознание. Время больших текстов осталось в прошлом.

Тем не менее существует и преемственность между идеологическими конструктами прошлого века и нынешнего. И сегодня актуально выделение следующих характеристик идеологии: это ориентация на побуждение к действию и мобилизация в целом, формирование базовых представлений о власти и обществе, внешняя логичность (Manheim, 2015; Thompson, 2023; Mullins, 1972). Сохраняется также ключевая функция государственной идеологии – легитимация государственной власти и институтов государства в целом как одной из высших ценностей человеческого общежития.

Объектом рассмотрения в данной статье выступают сложные идеологические процессы в Таджикистане. Внимание к этому постсоветскому государству определено целым рядом причин, важнейшей из которых является соседство с Афганистаном, в котором радикальные исламистские течения и движения традиционно находили почву и поддержку. Кроме того, проблема наркотрафика также обуславливает перманентность попыток заинтересованных сил обеспечить их проникновение на территорию Таджикистана. Это определяет не только востребованность защиты государственности страны от инфильтрации вооруженных формирований и вовлечения граждан страны в ряды зарубежных исламистских движений, но также необходимость пресечения коренных причин деструктивных воздействий на идеологическом уровне.

Хотя в Конституции Таджикистана с 2003 г. имеется норма, которая гласит: *«Идеология ни одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения или группы не может быть признана как государственная»*, в Таджикистане де-факто создана и активно продвигается государственная идеология. В этом Таджикистан не отличается ни от Узбекистана, ни от Казахстана, ни от многих других государств мира. Государственные идеологии существуют в США, России, Китае, Индии... Они отличаются методами продвижения, стилистикой, историческим орнаментом. Государственная идеология США, активно и эффективно продвигаемая во всем мире, уникальна, так как будучи светской, она в то же время имеет мессианский характер.

В Таджикистане, как и в других государствах Центральной Азии, государственная идеология задается прежде всего идеями, сформулированными в выступлениях, статьях, книгах президента страны.

Существенным компонентом идеологии является обращение к национальной истории. В странах-членах Европейского союза в историографическую моду вошло разрушение «национального романа». Этим термином обозначают сложившееся историческое повествование о пути становления и

развития нации и государства в таких странах, как Франция, Германия, Италия. Возможно лучше без с другой стороны: Необходимость формирования общеевропейского, точнее общесовского сознания, а также стремительное укрепление нового регионализма стимулировали отказ от привычного движения «от Хлодвиг до наших дней» (если взять в качестве примера и модели французскую историографию). На постсоветском пространстве конституируют именно то, что в западноевропейской историографии стали называть «национальным романом». Эти по сути новые национальные варианты истории служат концептуальной основой при написании школьных и вузовских учебников. Внедрение идеологических конструктов через систему образования осуществляется повсеместно. В этой ситуации исключительно важно как для самих народов бывших советских республик, так и для нас, их соседей, чтобы научная составляющая не уничтожалась идеологической индоктринацией.

Создание нации и сохранение ее идентичности – процессы, поддерживаемые, стимулируемые и контролируемые государством, порой тактично, но нередко и достаточно топорно. Конструирование «национальных романов» в новых государствах стало повсеместной практикой.

Государственная идеология в странах Центральной Азии строится отнюдь не по одной модели. Это связано не только с особенностями актуального политического процесса, но и со спецификой истории каждого из народов, обитающих в этом регионе. Персоязычные народы, к которым относятся и таджики, – очень древние обитатели этих широт. Ключевыми моментами официального видения истории выступают арийское происхождение таджиков, зороастризм, роль Исмоила Сомони как создателя первого таджикского государства, ислам в интерпретации ханафитского мазхаба. Фигура Исмоила Сомони, вне всякого сомнения, в настоящее время служит символом единства таджикской нации. В ходе опроса о личностях, изображение которых должно присутствовать на национальных банкнотах, 65% респондентов высказались за И. Сомони¹. Национальная традиция представляет период царствования Исмоила Сомони как благословенное время мирного сосуществования его подданных разных вероисповеданий: мусульман и зороастрийцев, христиан и иудеев, а также как время военного могущества и окончательного утверждения мусульманства среди таджиков. В 2003 г. республика широко отметила при поддержке ЮНЕСКО трехтысячелетнюю годовщину появления зороастризма. К юбилею был опубликован труд, в котором первая глава под названием *«Таджикистан – родина Заратустры, первого пророка справедливости»* написана Э. Рахмоном.

Специфика каждодневной борьбы за умы и души в Таджикистане связана в значительной степени с наследием гражданской войны 1992–1997 гг., а также в определенной степени с присущим таджикам ощущением исторической несправедливости по отношению к ним на протяжении многих веков.

¹ Pachkov V. (2020) L'islam au Tadjikistan. *Choisir*, 28 October. Available at: <https://www.choisir.ch/politique-economie/politique-internationale/item/3936-l-asie-centrale-et-la-religion> (accessed 20 February 2024).

Гражданская война была обусловлена не только регионально-клановым противостоянием, но и идеологическим размежеванием. Влияние эгалитаристской марксистско-ленинской идеологии, казалось бы, не могло не оставить свой след в сознании всех граждан Таджикистана. Однако в постсоветский период выяснилось, что ценностные ориентации СССР в большей степени укоренились в сознании жителей Худжанта (Ленинабада) и Куляба, чем Гарма. И, что еще важнее, ориентация на эту идеологию осуществлялась для многих только в условиях постоянного контроля со стороны партийных и правоохранительных органов, тогда как при их деградации советские идеологические постулаты были быстро отброшены, а надежды на социальную справедливость стали связывать с утверждением норм шариата. Кроме того, даже в советский период атеистическое мировоззрение в Таджикистане, несмотря на системное партийно-государственное воздействие на умы местного населения, оказалось поверхностным.

Ислам и в советское время занимал устойчивое место в жизни таджиков и узбеков. Конечно, среди интеллигенции и парторботников были и убежденные атеисты. Но в большинстве своем жители республики – таджики и узбеки – остались мусульманами. Ни простые люди, ни номенклатурные работники, ни интеллигенция в подавляющем большинстве не читали Коран, но продолжали верить в Аллаха, почитать его пророка Мухаммеда и соблюдать тайно или явно обряды, прежде всего связанные с рождением ребенка и уходом из жизни.

Оказывали определенное воздействие и подпольные религиозные школы. По утверждению столь информированного человека, как председатель Верховного совета Таджикистана в 1991–1992 гг. Сафарали Кенджаев, Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)* стала формироваться за 15 лет до начала трагических событий рубежа 1980–90 гг. прошлого века в виде подпольных кружков по изучению ислама (Кенджаев, 1996).

В конце же 1980-х – начале 1990-х гг. в Таджикистане после снятия цензурных ограничений начали массово печатать книги религиозного содержания. Издавались переводы Корана на таджикский язык, хадисы, толкования к Корану, биографии Мухаммада, учебная литература с упрощенным изложением основных догм ислама. Эта литература стала доступна не только интеллигенции в Душанбе, но и по всей стране, включая горные кишлаки. Тогда же в 1988 г. молодой философ Мирбобо Миррахимов в статье, привлечшей к себе большое внимание в среде таджикской интеллигенции, предложил отказаться от кириллицы и вернуться к арабской графике. К счастью, этого не произошло, так как данный шаг послужил бы отрыву Таджикистана от русскоязычного интеллектуального и информационного пространства, к отказу от огромного пласта написанной на кириллице таджикской научной, образовательной и художественной литературы.

Во время гражданской войны Куляб и Худжент (Ленинабад), ставшие центрами сопротивления господству ПИВТ*, выступали не против ислама, а против подчинения всей политической и повседневной жизни нормам шариата.

Сторонники Народного фронта выступали за сохранение светского государства, их идеологи отстаивали приоритет Конституции и законов, защищали принцип выборности исполнительной и законодательной власти в лице президента и Верховного совета. В ответ на обвинения в атеизме Эмомали Рахмонов утверждал, что *«несмотря на противоречия и зигзаги духовного развития, наш народ всегда оставался и остается в мире исламской цивилизации»* (Рахмонов, 1997: 9).

Сегодня идеологическое противостояние, яростно проявившееся на рубеже 1980–1990 гг., продолжается, хотя, конечно, в трансформированном виде. Главное – идеологические различия сохраняются как определенная данность существования нации.

Подавляющее большинство граждан Таджикистана сегодня – это верующие люди, мусульмане. Ислам исповедует порядка 99% населения. В республике действуют более трех с половиной тысяч мечетей и 19 официально разрешенных медресе. И ислам усиливает свои позиции в стране.

Идеологическая дифференциация среди граждан Таджикистана основана на их различии в отношении к государству и к соблюдению норм шариата. И с этой точки зрения можно выделить четыре группы граждан.

К первой следует отнести сторонников нынешней власти в республике. Их более или менее устраивает текущее положение дел, они опасаются перемен, так как перемены могут лишить их имеющегося достатка. Государственная идеология, как содержащая в себе оправдание и обоснование сложившегося *status quo*, их вполне устраивает, они разделяют ее основные положения и постулаты. Ислам для них важен, но они его воспринимают прежде всего в его ритуальных проявлениях. Впрочем, в этой категории граждан имеются и глубоко верующие люди. Ханафитский мазхаб, пожалуй, как никакой другой дает обоснование необходимости и неизбежности действующей системы власти.

К этой же группе относится и часть мулл и имамов. Со всей определенностью об этом написал сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Таджикистана Абдулло Рахнамо. По его мнению, во всех странах Центральной Азии имеется институт официального духовенства, который *«является органической частью политических режимов, одним из важнейших механизмов и инструментов реализации государственной политики в области религии»* (Социальная специфика развития..., 2009: 187). Государство стремится к сохранению в республике доминирования традиционного для данного региона ханафитского мазхаба. Еще в марте 2009 года ханафия получила в Таджикистане статус официального религиозного направления; был принят соответствующий закон. Министр культуры Таджикистана Мирзошоҳрух Асрори в связи с этим решением парламента заявил, что закон был необходим в связи с появлением в обществе *«религиозного радикализма, нигилизма и некоторых чуждых для народа течений в исламе»*. Был проведен год Имоми Азама – основоположника ханафитской ветви суннитского течения ислама.

Руководство Таджикистана постоянно находится в поиске оптимальных методов направления умонастроений населения в нужное русло, стремясь при этом не допустить радикализации сознания, прежде всего у возрастающей по численности молодежи. В целях распространения «правильного ислама» в средних общеобразовательных школах Таджикистана в 2009–2010 гг. был введен предмет «Познание ислама» и подготовлен учебник по этому предмету. Но позже этот предмет из программы общеобразовательных школ был изъят в пользу увеличения объема преподавания истории таджикского народа, в рамках которой изучается и история ислама. Учебная литература и даже пропагандистские материалы в Таджикистане в значительной степени базируются на фундаментальном труде академика Б. Гафурова «Таджики», а также в определенной степени на трудах дореволюционных и советских/российских востоковедов: В. Бартольда, М. Андреева, И. Брагинского.

Ко второй группе граждан относятся сторонники твердого следования нормам шариата. Нынешний режим они воспринимают как антиисламский, его сторонники враждебно относятся к Западу, а Россию и Китай они обвиняют в поддержке режима Эмомали Рахмона и его семьи. К этой же группе следует отнести граждан типа лидера запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения* Мухеддина Кабири. Не разделяя радикальных установок, он и его соратники сотрудничают с джихадистами по тактическим соображениям.

Третья группа отличается определенной разнородностью, но характеризуется двумя свойствами, позволяющими вычленить эту группу – неприятием радикального ислама и пассивно отрицательным отношением к порядкам, установившимся в Таджикистане. Часть этих людей испытывают симпатию к Западу и при первой возможности готовы покинуть страну в пользу Европы или США. Они полагают, что именно страны Запада помогают избавиться республике от застарелых болезней – коррупции, nepотизма, местничества. Однако при этом недооценивается формирование у молодежи Таджикистана под влиянием Запада потребительской психологии, на фундаменте которой возникает преклонение перед Западом и готовность следовать его политическим рекомендациям. Что же касается таджикской идентичности, то она превращается в этнографическую форму, не влияющую на поступки индивидуума.

Таджикское западничество вовсе не обязательно сопровождается антироссийскими настроениями.

К третьей группе часто относятся выходцы из семей, переехавших из Бухары и Самарканда и образующих сообщество горожан в нескольких поколениях. Именно в этой группе лучше всего знают русский язык и в целом ратуют за развитие отношений с Российской Федерацией, так как считают, что углубление сотрудничества с Россией идет на пользу Таджикистану. Среди лиц старшего поколения этой группы многие ностальгируют по СССР. Их предки очень многое сделали для становления и развития Таджикской ССР. И теперь им больно наблюдать, как уничтожается наследие прошлого, фактически их

семейное наследие. Эти люди с тихим негодованием говорят об уничтожении здания Театра имени В. Маяковского (того самого здания, в котором было провозглашено создание Союзной Республики Таджикистан), о планируемом разрушении других исторических зданий в центре Душанбе.

Выходцы из Бухары и Самарканда сохраняют определенную обособленность, так как представители других кланово-региональных объединений считают их обузбеченными и даже используют в их адрес слово «мангыты», по названию узбекского племени, захватившего Бухару и давшего родовое имя последней династии бухарских эмиров. К третьей группе тяготеет и значительная часть памирцев, в том числе те из них, кто придерживается исмаилизма, особого направления в исламе, более близкого к шиизму, чем к суннизму.

Большая часть лиц третьей группы придерживаются евразийской ориентации, но представителям этой группы далеко не всегда удается передать своим детям и внукам эти идейные установки.

Тем не менее в настоящее время среди интеллигенции Таджикистана немало людей с евразийским типом мировоззрения. У них имеется понимание того, что Россия в прошлом сделала очень много для развития таджиков как нации, и это произошло главным образом в годы существования СССР. По мнению члена Президиума ЦК Компартии Таджикистана Т. Рахмонова: *«Только с установлением социалистического политического строя таджикская нация начала формироваться как самостоятельная и равноправная. Было создано ее новое национальное государство после многовековой трагедии его отсутствия... Именно в советский период произошел кардинальный революционный переворот во всех сферах таджикского общества. Шаг за шагом преодолевалась многовековая всеобщая неграмотность населения, начали восстанавливаться бывшие великие интеллектуальные возможности народа»* (Социальная специфика развития..., 2009: 87).

Четвертая категория наиболее многочисленна. В ее мировоззрении могут присутствовать элементы идей и пристрастий всех трех вышеуказанных групп. В зависимости от ситуации они могут поддерживать политические устремления представителей второй группы, могут и далее пассивно поддерживать действующий режим и его новые инкарнации.

Государственная идеология продвигается силами государственного аппарата, включая всю систему образования, подконтрольную профильному министерству. В школах республики ведется преподавание истории по книгам, которые, по сути, закладывают основы государственной идеологии. Это книги, которые подробно описывают все годы правления Эмомали Рахмона. Периоду 1992–1995 гг. посвящена книга «Эмомали Рахмонов – спаситель нации», периоду 1996–1999 – книга «Эмомали Рахмонов – основоположник мира и национального единства», более поздним годам – книги «Эмомали Рахмонов – начало этапа созидания» (2000–2003), «Эмомали Рахмонов – год, равный векам» (2004), «Эмомали Рахмонов: год культуры мира» (2005), «Эмомали Рахмонов: год арийской цивилизации» (2006).

Многие стереотипы идеологии, продвигаемой режимом президента Эмомали Рахмона (Рахмонова), усвоены населением и во многом отвечают его настроениям. Неизбежные на данный момент националистические установки присутствуют как в государственной идеологии, так и в мировоззрении разных слоев таджикского населения. Проявляются эти акценты не только в постоянном возвеличивании истории и культуры таджиков, но и в антитюркских настроениях. Дают они о себе знать и в образовательном процессе. В учебном пособии по истории таджикской журналистики встречается такой пассаж: «Причиной падения и отставания в политической, экономической и культурных областях Средней Азии было мангытское нашествие», и далее совсем откровенно: «...Период правления узбеков был временем начала варварства и упадка Средней Азии»². Член Президиума ЦК Компартии Таджикистана Т. Рахмонов, выступая в январе 2009 г. на Международной конференции, посвященной социальной специфике развития политической культуры в Центральной Азии, говорил: «Самым неблагоприятным, застойным, исторически мрачным и длительным периодом в процессе формирования политической культуры таджиков как составного компонента общенациональной культуры является период конца X – начала XX века. В пределах этого периода таджикская нация находилась в условиях жесткой дискриминации и постоянного давления со стороны властей, последовательно сменявших друг друга» (Социальная специфика развития..., 2009: 85–86).

Сохранение мира в стране, недопущение антиправительственных выступлений, развитие общенационального самосознания – задачи государственной идеологии. Она же противостоит догматам радикального ислама. Решение этих сложных задач требует периодического обновления содержательных интерпретаций.

Важный фактор внутренней политики в Таджикистане – соседство с Афганистаном. Протяженность гористой афгано-таджикской границы (1350 км) является «головной болью» для Душанбе. Сложность ее охраны приводит к тому, что боевики ИГИЛ* и «Джамаат Ансарулла» порой безнаказанно пересекают границу. Очевидно, что ИГИЛ* будет уделять все больше внимания пропаганде и формированию «спящих ячеек», способных осуществлять террористические атаки. Не исключено, что находящимся под прессом талибов узбекским и таджикским боевикам – выходцам из Таджикистана более импонирует именно ИГИЛ* с его глобальной идеей всемирного халифата (а не в значительной степени пуштунское движение «Талибан», в повестку дня которого Центральная Азия не входит).

Приход талибов к власти в Афганистане, с одной стороны – угроза стабильности в Таджикистане, с другой – повод отбросить внутренние противоречия для консолидации нации перед лицом этой угрозы. Опытный политик

² См. *История таджикской журналистики* (2021) Учебно-методическое пособие для студентов – направление подготовки «Журналистика». Душанбе, РТСУ. С. 49.

Эмомали Рахмон оценил значение и того, и другого. Его не смутило то, что его конфронтационный тон выступлений в отношении талибов контрастирует с выступлениями лидеров России, Китая и Узбекистана.

В настоящее время Рахмон оказался в сложной ситуации. К нему идут обращения со стороны афганских таджиков о помощи. Они нуждаются в оружии, боеприпасах, продовольствии, финансовых ресурсах, лечении раненых и больных. При этом Таджикистан не собирается идти на прямую конфронтацию с «Талибаном». У него нет ни военных, ни финансовых ресурсов для ведения масштабных боевых действий, как нет их и для системной, значимой поддержки антиталибского движения в Афганистане. К тому же Таджикистан заинтересован в развитии экономических связей с южным соседом. В Афганистан, например, идут поставки электроэнергии, накопился большой долг за нее, и талибы небольшими порциями начали этот долг возвращать. В свете указанных фактов можно предположить, что, действуя чуть более рискованно, чем соседи, таджикское руководство рассчитывает добавить себе популярности и внутри страны, и на международном уровне. И этого Э. Рахмон уже в определенной степени добился.

Выступления президента Таджикистана находят отклик и понимание не только у его последовательных сторонников – его позиция по Афганистану отвечает национальным чувствам многих таджиков из всех групп населения.

Для сегодняшнего Таджикистана характерна регионально-клановая система построения государства, об опасности которой писал и говорил выдающийся государственный деятель, неустрашимый борец за соблюдение законов и Конституции Сафарали Кенджаев (см. Кенджаев, 1996: 151–152, 158).

Коррупционность правящего класса, давняя несменяемость первого лица, нищета массовых групп населения вызывают в республике, с одной стороны, ощущение безысходности и желание уехать из нее, с другой – чувство протеста. Альтернативу видят в соблюдении норм шариата, в создании исламской республики или халифата. В Таджикистане имеются как сторонники ИГИЛ*, так и «Хизб ут-Тахрир»*. Исламистские настроения находят отклик в молодежной среде, включая студенчество.

Есть нити, которые связывают лиц второй выделенной нами группы с гражданами республики, которые отправились в Сирийскую Арабскую Республику, Ирак и Афганистан, где они примкнули к террористическим исламистским организациям. Среди таких граждан Таджикистана есть лица как таджикской, так и узбекской национальности. Всего с 2012 года в зоны конфликтов на Ближнем Востоке выехали не менее 1500 граждан республики (без учета женщин и детей). Считается, что приблизительно 700 боевиков были убиты. Таджики в Сирии в основном входят в группировку «Хаят Тахрир аш-Шам»*. Граждане Таджикистана узбекской национальности входят в группировки «Катибат Имам аль-Бухари» и «Катибат аль-Таухид валь Джихад».

Большую известность приобрел бывший командир таджикского ОМО-На, полковник Гулмурод Халимов, проходивший спецподготовку в США и бежавший в Сирию для того, чтобы сражаться на стороне ИГИЛ*, в котором он

стал министром войны. Известно, что к нему уехали его вторая жена и четверо детей. Старший сын этого полевого командира, Бехруз Халимов, был снят с авиарейса Душанбе – Москва. Его обвинили в попытке уехать в Сирию к отцу и приговорили к 10 годам тюрьмы. В мае 2019 года он был убит в ходе бунта заключенных в тюрьме Вахдата. Сам Гулмурод, согласно информации МВД Таджикистана, был убит во время бомбежки³. Важнее всего и трагичнее всего то, что Гулмурод Халимов превратился для части таджикской молодежи в образец для подражания. Он – шахид, а шахидов в обществах подобного типа принято почитать.

Последняя (известная) неудавшаяся попытка нескольких десятков граждан Таджикистана выехать в Сирию была предпринята в январе 2018 г. Такие попытки, по-видимому, прекратились в 2019 г., когда активизировались призывы руководства ИГИЛ* к «финансовому джихаду», к отказу от поездок в зону конфликта и к более активному участию в финансировании деятельности ИГИЛ⁴.

Трудовые мигранты из Таджикистана, находящиеся в Российской Федерации и Казахстане, подвергаются пропаганде через Интернет и являются объектами вербовки со стороны исламистских группировок. В пропагандистских материалах таджиков призывают не только собирать средства на нужды ИГИЛ*, но и создавать подпольные ячейки. Страшной трагедией закончилась вербовка от лица ИГИЛ* таджиков, совершивших чудовищный теракт в «Крокус сити холле» 22 марта 2024 года.

В целом за последние несколько лет в республике были арестованы и осуждены по обвинению в терроризме более 1000 человек. 17 организаций были объявлены экстремистскими и террористическими, в том числе ИГИЛ*, «Аль-Каида»*, «Братья-мусульмане»*, Партия исламского возрождения Таджикистана*.

Обеспокоенность руководства Таджикистана приходом к власти в Афганистане талибов обусловлена в том числе фактом наличия в их среде порядка 100 уроженцев республики, которые выступали в качестве военных инструкторов и экспертов-взрывотехников.

На севере Афганистана таджикские боевики сотрудничали с организованными преступными сетями, занимающимися незаконной транспортировкой наркотиков через афгано-таджикскую границу, используя эти маршруты также для инфильтрации боевиков в Центральную Азию. В составе афганского крыла ИГИЛ* насчитывалось около 200 боевиков из Центральной Азии, возглавляемых гражданином Таджикистана Сайвалы Шафиевым, также известным как «Мауавия».

³ *Sputnik Таджикистан* (2020) Гулмурод Халимов убит – МВД Таджикистана подтвердило официально. 3 августа. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/20200803/mid-tajikistan-gulmurod-halimov-ubit-syria-1031673435.html> (accessed 20 May 2024).

⁴ Исаев Б. (2019) За пять лет в Кыргызстане в три раза выросло количество осужденных за экстремизм и терроризм. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 21 октября. Available at: <https://cabar.asia/ru/za-pyat-let-v-kyrgyzstane-v-tri-raza-vyroslo-kolichestvo-osuzhdennyh-za-ekstremizm-i-terrorizm/> (accessed 20 May 2024).

Определенную роль в Таджикистане до своего запрета в 2015 году играла Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)*. Партия имела ячейки и активистов практически во всем Таджикистане, даже в районе Куляба, оплоте в прошлом Народного фронта и родине президента страны. Мировоззренческие установки лидеров Партии исламского возрождения Таджикистана* с момента ее выхода на политическую арену претерпели существенную эволюцию. Вплоть до 2015 г. партия была встроена в систему государственной власти. Соответственно, ее представители получали посты в государственном аппарате, включая должности заместителей министров, руководителей некоторых структур, командиров воинских частей. До 2015 г. на парламентских выборах партия набирала достаточное количество голосов для того, чтобы ее представители проходили в высший законодательный орган страны. Занимавшие высокие посты члены ПИВТ в соответствии со сложившейся в Таджикистане практикой имели возможность обогащаться.

С большой уверенностью можно предположить, что запрет Партии исламского возрождения*, арест и осуждение членов ее руководства, уход ее активистов и сторонников в подполье вновь радикализировал их настроения, и произошел отход от тех идей, которые в конце своей жизни продвигал исторический лидер ПИВТ* Абдулло Нури и которые ранее излагал М. Кабири. Сам Мухиддин Кабири признавал: *«После 2015 года мы потеряли привлекательность для молодежи, которой хотелось видеть в оппозиции нечто более радикальное... Поэтому "Исламское государство" и другие радикальные группировки стали более привлекательными для части таджикской молодежи. В итоге тысячи молодых таджиков уехали на "джихад"...»*⁵.

Арабская весна, проявившаяся в том числе в массовом выходе на политическую арену исламистов, не могла не вызвать обеспокоенность в странах Центральной Азии и особенно в Таджикистане, Узбекистане, Казахстане. Схожесть социально-экономических проблем, определенная типологическая близость светских режимов в Тунисе, Египте, Сирии с режимом Эмомали Рахмона в Таджикистане или Нурсултана Назарбаева в Казахстане были очевидны. Появление и быстрое усиление Исламского государства еще больше вселяло тревогу. Тем более, что ИГИЛ* (ДАИШ на арабском) выступал под знаменами панисламизма. Известно, что после официального объявления в июне 2014 г. о создании халифата лидер джихадистов Абу Бакр аль-Багдади, объявивший себя халифом, выпустил видео, в котором всем мусульманам приказывал подчиняться ему. После провозглашения государства группировка, ранее известная как «Исламское государство Ирака и Леванта»*, отбросила географическую привязку в своем названии, а некоторые ее иностранные сторонники объявили, что не нуждаются в гражданстве, и публично разорвали или сожгли свои паспорта. Приток граждан Таджикистана

⁵ Серенко А. (2021) Россия уступила Китаю инициативу в Таджикистане и Центральной Азии. *Независимая газета*, 11 января. Available at: https://www.ng.ru/world/2021-01-11/100_2101111200.html (accessed 23 May 2024)

в ДАИШ* шел постоянно. Ехали и молодые люди из числа сторонников Партии исламского возрождения*. Руководство Таджикистана вынуждено было пойти на жесткие меры.

Правительство Таджикистана предпринимает настойчивые усилия для возвращения своих граждан из зон конфликта. В 2022 г. из Сирии и Ирака удалось вернуть более 400 граждан, в основном женщин и детей. Также в целях предотвращения присоединения молодых людей к экстремистским организациям более пяти тысяч таджикских студентов возвращено на Родину из зарубежных религиозных образовательных учреждений⁶. К отказавшимся от экстремистской деятельности боевикам применяются профилактические меры. Граждане Таджикистана из числа боевиков, которые добровольно вернулись в республику и покаяться, были амнистированы в соответствии со статьей 401 Уголовного кодекса РТ. Они зарегистрированы в полиции и находятся под постоянным наблюдением. Кроме того, правительству Таджикистана удалось репатриировать из Сирии значительную группу детей и подростков в возрасте от полутора до 18 лет. Однако в Ираке 43 гражданки Таджикистана осуждены на различные тюремные сроки за содействие ИГИЛ*.

Архаизация сознания части граждан Таджикистана делает их подверженными влиянию энергичных, уверенных в себе людей, имеющих самые различные цели – от банального обогащения за счет доверчивости и склонности к предрассудкам многих простых людей⁷ до вовлечения в исламистские террористические организации.

Сложность ситуации в Таджикистане усугубляется еще тем, что образование во многих сельских школах носит поверхностный характер. Дети, особенно девочки, ради помощи семье вынуждены рано бросать учебу. В итоге, по свидетельствам воевавших на стороне ИГИЛ*, опытные вербовщики за короткое время способны привлечь на сторону джихадистов молодых и необразованных таджиков.

Повышение уровня школьного и вузовского образования, распространение знания русского языка – это магистральные пути по противодействию усилению исламизма в Таджикистане; и первое, и второе отвечает долгосрочным интересам как Таджикистана, так и России. В борьбе против распространения идей радикального ислама Россия и Республика Таджикистан являются союзниками. Совпадают интересы наших стран и в вопросах трудовой миграции. Вследствие сложной демографической ситуации – низкой рождаемости и высокой смертности особенно среди мужчин трудоспособного возраста – Россия сегодня и на обозримую перспективу нуждается

⁶ Ховар (2022) Таджикистан вернул 5000 студентов из-за рубежа с целью неприсоединения к террористическим и экстремистским группировкам. 18 октября. Available at: <https://khovartj.rus/2022/10/tadzhikistan-ver-nul-5000-studentov-iz-za-rubezha-s-tselyu-nepri-soedineniya-k-terroristicheskim-i-ekstremistskim-grup-pirovkom/> (accessed 20 May 2024).

⁷ См. Тищенко М. (2013) В Таджикистане в последние годы участились случаи знахарства и колдовства со стороны лиц, объявляющих себя муллами. *Лента*, 18 ноября. Available at: <https://lenta.ru/articles/2013/11/18/tajik/> (accessed 20 May 2024).

в притоке рабочей силы из-за рубежа. В свою очередь Таджикистан не может обеспечить рабочими местами все свое быстро растущее население. Социокультурные и религиозные различия не должны становиться непреодолимым препятствием на пути экономического развития. Правящим классам и элитам двух стран предстоит большая работа по созданию новых ценностных ориентиров. Общая задача состоит в том, чтобы мы знали, понимали и уважали друг друга, чтобы россияне и таджики (как и выходцы из других стран Центральной Азии) исходили из того, что у нас есть общий дом – Евразия. И этот общий дом наследует Российской империи и Советскому Союзу, подобно тому, как Европейский союз наследует империи Карла Великого, Римской республике и Римской империи.

Список литературы:

1. Кенджаев С. (1996) *Переворот в Таджикистане. Душанбе*. Книга первая. Перевод с таджикского М. Сайфиддинова. 272 с.
2. Олимова С., Олимов М. (2007) Правительство упорядочивает традиции, обычаи и обряды. *Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов* №73, май – июнь.
3. Рахмонов Э. (1997) *Таджикистан на пороге будущего*. Москва.
4. *Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии* (2009) Москва.
5. Manheim K. (2015) *Ideologie und Utopie*. Einteilung von J.Kaube. Klostermann RoteReihe. 302 S.
6. Mullins W.A. (1972) On the Concept of Ideology in Political Science. *American Political Science Review* 66(2): 498–510. DOI: 10.2307/1957794.
7. Thompson J.B. (2023) *Studies in the Theory of Ideology*. Univ. of California Press. 356 p.

Comparative Politics. Volume 16. No. 1. January–March / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-1-16-3

IDEOLOGIES AND MINDSETS IN TAJIKISTAN

Dr. Evgeny M. KOZHOKIN –Professor, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities; Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Chief Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-1419-6695. E-mail: kozhokin@yandex.ru

6 Miusskaya Ploshchad, Moscow, 125047; 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received July 16, 2024

Accepted April 24, 2025

Abstract: The struggle against Russia unleashed by the West is becoming more widespread. Attempts are also being made to annihilate the co-operative relations that Russia has with the countries of the Eurasian region. In this connection, the study of ideological attitudes and mindsets in the countries of Central Asia, in particular Tajikistan, which has especially close ties with Moscow, is relevant. At the same time, Tajikistan is highly vulnerable to external influence. A particular danger for the republic is posed by the structures of ISIS*, which are actually waging an ideological and psychological war against this secular state. Of all the Central Asian states, Tajikistan has the highest percentage of young people, and it is young people who are most susceptible to radical ideas. The heterogeneity of citizens' mindsets is the focus of the article, and four types of attitudes are identified. The ongoing and relentless struggle for the minds of the citizens of this republic is analysed. Understanding the specificity of the moods of the population of Tajikistan is not only a scientific but also a political imperative. This is due to the fact that the stability and prosperity of this Central Asian country is in Russia's national interests.

Keywords: ideology, Tajikistan, Tajiks, Islam, mentality, civil war

References:

1. Kendzhaev S. (1996) *Perevorot v Tadzhikestane [Coup d'état in Tajikistan]*. Dushanbe. Book One. Translated from Tajik by M. Saifiddinov. 272 p. (In Russian).
2. Manheim K. (2015) *Ideologie und Utopie*. Enteilung von J. Kaube. Klostermann RoteReihe. 302 S.
3. Mullins W.A. (1972) On the Concept of Ideology in Political Science. *American Political Science Review* 66(2): 498–510. DOI: 10.2307/1957794.
4. Olimova S., Olimov M. (2007) Pravitel'stvo Uporyadochivaet Tradicii, Obychai i Obryady [The Government Is Streamlining Traditions, Customs and Rituals]. *Byulleten' Seti Etnologicheskogo Monitoringa i Rannego Preduprezhdeniya Konfliktov [Bulletin of the Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network]*. No. 73, May-June. (In Russian).
5. Rahmon E. (1997) *Tadzhikestan na Poroge Budushchego [Tajikistan on the Threshold of the Future]*. Moscow. (In Russian).
6. *Social'naya specifika razvitiya politicheskoy kul'tury v Central'noj Azii [Social Specificity of Political Culture Development in Central Asia]* (2009) Moscow. (In Russian).
7. Thompson J.B. (2023) *Studies in the Theory of Ideology*. Univ. of California Press. 356 p.